Автор: Whitebinder
09.05.2009 23:58 -

Из романа Кристофера Раша "Воля" (издательство Beautiful Books, сс. 132-133)
"О, чудеснейшие волосы на лобке! Высочайший треугольник, чьи углы углубляются в ад, но указывают на рай. Позвольте мне воспеть черный вымпел, крыло черного дрозда, расщелину, ямочку, замочную скважину в двери. Смоква, киска, щелка, манда – сейчас я приближусь к ней, к этому внезапному румянцу, к этой древней дороге, к финишу всех одиссей и эпической цели жизни, притягивающей сейчас мой член, притягивающей, как залежи магнитной руды.

Руки Энн Хэзуэй – руки доярки, охватившие мою мошонку своими миндальными ладонями – теперь сжалились над несчастным тоскующим стоячим членом, и, в бесконечной муке ее вожделения, направили его в самую середину незажившей раны. Одновременно я отчаянно нашаривал пальцами левой руки – вслепую, как Циклоп – нашарил и нашел сырое, меховое, мягкое, я раздвинул древние губы времени и вставил свой средний палец в святая святых. Она приветствовала меня тихим чмокающим звуком, слогами, которые древнее, чем язык, утешением, которое прекраснее слов. Энн отстранила мою руку, направила член, выпятила ягодицы, погрузившиеся глубоко в траву, высоко приподняла бедра, скрестила ноги у меня за спиной, надавила пятками мне на позвоночник и грубо, с силой набросилась на меня. Я упал в нее.

Как это возбуждало – замкнуться в ореховой скорлупе и считать себя королем бесконечного пространства. Но Энн Хэзуэй была жестокой королевой. Ее голени сокрушали мои ребра, ее скрещенные пятки вонзались в мое тело, загоняя меня все глубже внутрь нее. Она отзывалась мне криками, которые мечтают слышать мужчины, сладостными глухими стонами, которые вторят вздохам океанов, отливу и половодью в полях, шелесту звезд. И мы пили друг из друга, прижавшись друг к другу на корабле, в который превратили самих себя, восставая против незначительности времени.

Всюду вокруг нас к нам присоединялась природа... Струи жара хлестали меня по спине и плечам, а где-то далеко внизу подо мной тело Энн Хэзуэй начинало неистовствовать и идти ко дну во вскипающей пене, меж тем как я, словно матрос, вцепился в ее вздымающиеся и опускающиеся бедра, и высокий киль ее спинного хребта поднимался и опадал, рассекая июль, рассекая зеленые валы разросшейся зелени, пока, наконец, не наступил миг, когда какая-то колоссальная волна не подбросила ее высоко-высоко, и я держался за нее, страшась за свою жизнь, и она завопила протяжно и громко: "О да! О да! О да!" – произнесла моя ненаглядная, и я почувствовал, как прошла через нее смерть. Наше судно, содрогаясь, налетело на скалы, сквозь нас промчалась волна сырости, крики разорвали воздух, и я осознал, что берег, на котором мы лежим, мокрые, выброшенные на сушу, – это конец пути, конец любви, линия уровня полной воды для нашего последнего плавания".

Из романа Ричарда Милуорда "Яблоки" (издательство Faber, с.179)

"Она была без трусов, и сердце у меня в груди грохнуло, взорвалось и куда-то ухнуло, а глаза вылезли на лоб. Она не побрилась, и ее киска походила на тропическую рыбку или

на лоскут старого ковра.

"Ну что, так и будешь сидеть?" – спросила Эйби, и я нервно захихикал. Мой конец начал твердеть, но, в сущности, все это было немного неожиданно. В этот вечер я собирался просто послушать несколько пластинок и, может быть, сделать уроки. Я попытался сделать ей куннилингус, вспоминая, как это делали парни в журнале "Раззл". Но моя душа протестовала – от ее промежности пахло, как от подмышек, и когда я раздвинул губы, то понял, что мне придется их несколько раз закрыть – иначе я умру от СПИДа или провалюсь внутрь".

Из романа Джанетт Уинтерсон "Каменные боги" (издательство Hamish Hamilton, сс. 27-28)

"Спайк ничего не говорит, но она смотрит на меня, и я знаю, что она, наверное, читает мой инфочип. Все данные обо мне имплантированы мне в руку, чуть выше запястья.

"Я не могу считывать вашу информацию, – говорит она, прочитав вместо чипа мои мысли. – Эта функция в пассиве, пока у меня идет дренаж".

"А сколько времени займет дренаж?"

"Несколько часов, включая вопросы, и все".

"Тебя сконструировали исключительно для полета в космос, верно?"

Она кивает и улыбается. Она до нелепости красива. Я начинаю стаскивать с себя джинсы. Чувствую на себе ее взгляд, стоя перед ней в лифчике и трусах. Почему я стесняюсь раздеваться перед роботом? Я надеваю платье через голову, как школьница, расплетаю волосы и присаживаюсь. Она улыбается, слегка раздвинув губы, точно понимает, как она на меня действует.

Чтобы успокоить свои нервы и сделать вид, что я контролирую ситуацию, я перевожу проблему на нее. "Спайк, ты робот, но почему ты такой сногсшибательно красивый робот? Я хочу сказать, неужели необходимо, чтобы самая сложная машина в истории человечества еще и была похожа на кинозвезду?"

Она отвечает без обиняков: "Они решили, что я буду полезна ребятам в полете".

Я задумываюсь над тем, что это значит. Полезна – как женщина с плаката, который солдаты на войне вешают на стену блиндажа? Как живой антидепрессант? Как в сентенции "истина – это красота, а красота – истина"?

"Полезна в чем? Я хочу сказать, что ты, наверное, не интим подразумеваешь?"

"А чем еще заниматься в космосе три года?"

"Но межвидовой секс запрещен законом".

"На других планетах – нет. В космосе – нет".

"Значит, ты три года занималась сексом с астронавтами?"

"Да. Я износила три вагины, выстланных силиконом".

Там же, с. 88

"Мы занимались любовью у нашего костра, глядя, как снег выделяет контуры входа в пещеру.

Когда я прикасаюсь к ней, мои пальцы не сомневаются в том, что она такое. Мое тело знает, кто она. У незнакомых есть одна странная черта – их не знаешь и знаешь. В ней есть закономерность, форма, которая мне понятна, интимная геометрия, которая учитывает мою. Она – лабиринт, в котором я заблудилась много лет назад, а теперь ищу, как из него выйти. Она – пропавшая карта. Она и я – одно и то же место.

Она незнакомка. Она то незнакомое, чужое, странное, в которое я начинаю влюбляться".

Из романа Эли Смит "Парень встретил девушку" (издательство Canongate)

"Ее рука приоткрыла меня. Потом ее рука превратилась в крыло. Потом все мое естество превратилось в крыло, в одно-единственное крыло, а она была другим крылом, мы были птицей. Мы были птицей, которая умела петь Моцарта. Ее красивая голова уткнулась в мою грудь, она один лишь раз цапнула меня зубами, она слегка куснула сосок, как куснул бы его лисенок.

Это был ее язык? Это потому говорят про "языки пламени"? У меня встало, встало так встало, а затем я превратился в сухожилие, я стал змеей. За три несложных хода я превратил камень в змею (в оригинале каламбур, основанный на игре с заменой букв в словах: I changed stone to snake: stoke stake snake. – Прим. ред.), затем я стал деревом, у которого вместо веток были сплошные узловатые сучки с почками, а что это за почки, мягкие, точно фетр, – оленьи рога? неужели у нас обоих действительно растут рога? и все мое тело спереди обрастает мехом? и мы – в одной шкуре? и наши руки – черные блестящие копыта? мы лягаемся? нас кусают? Мы были клинками, были ножом, который в состоянии рассекать мифы, были двумя ножами, которые мечет иллюзионист, стрелами, которые выпускает бог, мы попали в сердце, мы попали в цель, мы были хвостом рыбы, были вонью кошки, были клювом птицы, были пером, которое обрело власть над земным притяжением, были высоко над всеми пейзажами и тут же опустились вниз, углубившись в лиловую дымку вереска, мы бродили в сумерках в резкой нескончаемой шотландской пьесе – идеальной джиге... сколько мы еще сможем продержаться?"

Автор: Whitebinder
09.05.2009 23:58 -

Из романа Клэр Кларк "Природа чудовищ" (издательство Viking)

"Раскрепощенное желанием, мое тело выгнулось в его сторону. Когда наконец он потянулся и притронулся ко мне, ничего больше не осталось, в мире ничего больше не было – только его пальцы и лихорадящее бессвязное безумие чистых ощущений, которые эти пальцы распространяли по мне спиральными вихрями, точно я была музыкальным инструментом, вибрирующим от изысканных ангельских гимнов. Значит, это превращало его в ангела? Пальцы моих ног в ботинках сжались, и мой живот воспарил в миг, когда все застыло, когда пламя дрожало, идеально-яркое. Я затаила дыхание. Грянул взрыв, и я потеряла себя из виду. Я была миллионом блестящих обломков, тьма моего живота ожила, озаренная звездами. Когда я наконец-то открыла глаза, чтобы взглянуть на него, на ресницах у меня сияли слезы. Он приложил палец к губам и улыбнулся".

Из романа Дэвида Тьюлиса "Покойный Гектор Киплинг" (Picador)

"Это не приятно. Как можно находить приятным, когда на живот тебе капают расплавленным воском свечи? Но я не хочу просить ее, чтобы она перестала, – в последний раз, когда я ее об этом попросил, я получил ремнем по губам. На каждом пальце у нее по три кольца – это в среднем. О господи, мама была права: эта проклятая кушетка действительно воняет. Неудивительно, что папа в больнице. Вполне возможно, что к утру я тоже туда попаду.

По-моему, я все еще в ней, но, честно говоря, определить трудно...

Avanti!

"Ах ты засранец! – говорит она нараспев и подносит свечку к моему левому соску. – Ах ты маленький жалкий засранец", – и пытается поджечь сосок, точно фитиль.

"А-а-а-а-й!" – ой, блин, у меня сосок горит. Она облила мне грудь жидкостью для растопки, и моя грудь запылала, точно десерт в шикарном ресторане.

"Роза, мать твою! А-а-й-уй. Да будет тебе, бл***! Задуй! Задуй его!"

"Хорошо, малыш, – шепчет она с внезапной нежностью, – хорошо, мой ангел", – и выливает на мою обгоревшую грудь полбанки "Стеллы". Я начинаю жалеть, что вообще ее пригласил. "Ну как?" – спрашивает она, опустив голову и лакая пиво с моей груди. "Нравится? Нравится, малыш?"

"Нет!" – ору я.

"Нет?"

"Нет, Роза, нет, какое там нравится, бл***! Так и убить можно!"

Она бьет меня по лицу ладонью, хватает за горло, плюет мне в глаз и царапает ногтями мое обожженное тело. Тут-то я и кончаю. О да. Тут-то сердцевина моей души, испытав спазм, ломается, выбросив наружу свои смрадные семечки".